

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ: НАБРОСОК ФИЛОСОФИИ АНОНИМУСА

Е. В. Закаблукровский, Нижегородский государственный педагогический университет
им. Козьмы Минина, e-mail: ta_pakina@mail.ru

Сетевая анонимность – феномен, тревожащий социологов, политиков, педагогов и философов. Однако, подробного описания этого феномена все еще нет. Анонимус – это голос Сети, ее настрой. Это означает, что данный феномен содержит в себе зародыши будущих социальных и политических событий.

Ключевые слова: Интернет, субъективность, Анонимус, настроение.

INVITATION TO CRIME: A DRAFT OF THE PHILOSOPHY OF ANONYMOUS

E. V. Zakablukovskiy, Kozma Minin Nizhny Novgorod
State Pedagogical University, e-mail: e@zakablu.ru

Network anonymity is a phenomenon being of interest to sociologists, politicians, teachers and philosophers. However, a detailed description of this phenomenon is still missing. Anonymous is a voice of the Network, its mood. This means that the phenomenon contains germs of future social and political events.

Key words: Internet, subjectivity, Anonymous, mood.

Говоря о сетевой анонимности, необходимо прежде всего выйти за рамки теоретического поля, напряжение (и разрядка) которого задается противопоставлением ее положительных и отрицательных сторон. По умолчанию такой подход предполагает занятие сбалансированной позиции золотой середины, позиции, которую принимают и, как правило, успокаиваются на постулате, согласно которому онлайн-анонимность в качестве сложного явления объединяет в себе и плюсы и минусы. Наша цель заключается скорее в проблематизации данного феномена.

На заре истории World-WideWeb анонимность считалась едва ли не главной из воплощаемых Сетью возможностей. Так, Евгений Горный указывает анонимность в качестве одной из «характерных черт виртуальной личности» (ВЛ), этот признак занимает свое место, следуя по порядку сразу после бестелесности – первой в списке характеристик ВЛ [2]. Кроме того, исследования интернет-аддикции сходятся в том, что анонимность – наиболее сильно действующее вещество в

составе «наркотика-интернет», им влекутся к Паутине большинство интернет-зависимых (порядка 86% по данным К. Янг [12]). Не утихают и политические споры вокруг сетевой анонимности. Совсем недавно обсуждение этой проблемы обострилось после того, как на встрече ООН в Дубае некоторые государства пытались добиться установления полного правительственного контроля над Интернетом на основании принятия соответствующего международного соглашения. Правительственный контроль Сети – не что иное как ее деанонимизация. Ранее, 15 марта 2012 г., согласно постановлению китайского правительства, китайский Интернет перестал быть анонимным. Причина интереса властей к сетевой анонимности может быть связана с удачным определением, предполагающим помимо теоретической ценности некоторые практические действия, определением, данным одним из представителей российских властей: «Анонимность – это приглашение к преступлению, это тот самый темный переулок, в котором творятся злодеяния. Дайте

туда свет, и преступлений будет меньше». На фоне таких заявлений теми же властями ведется работа по обеспечению анонимности – в качестве защиты от отслеживания действий в Сети – для самих государственных чиновников. Видимо, неанонимный Интернет в качестве механизма так называемой коммуникации перестает иметь смысл, перестает быть самим собой, из него уходит сама «интернетность». Таким образом, складывается устойчивое ощущение, что сетевая анонимность – зона особого медиального «зуда» – одновременно раздражающего и влекущего. Взяв эту тему, мы буквально приближаемся к самому «несуществующему» центру Сети. Отметим, что также амбивалентным является и производимый анонимностью эффект: это и «отвратительные» феномены хакинга, спама и троллинга, и удивительные проявления спонтанной доброжелательности и приветливости («ради лулзов» осуществляется не только травля, но и стихийные акции массовой отзывчивости: например, акция «OperationBirthdayBoy», посвященная поздравлениям с днем рождения случайно «подвернувшегося под руку» пожилого человека, началась в одном из самых «темных переулков» Интернета, бастиона сетевой анонимности – имиджборда 4chan).

На подступах к несуществующему анонимному «центру Сети» необходимо провести различие между анонимностью, с одной стороны, и конфиденциальностью и псевдонимностью с другой. Анонимность предполагает конфиденциальность, тогда как последняя не всегда имеет в виду первую. Сообщение, передаваемое конфиденциально, может быть поименовано и на уровне адресата и на уровне адресанта. Это не сообщение «никому от никого». Вполне определенные, прописанные на (в идеале не вскрываемого никем, кроме адресата) виртуальном конверте (который в целях конфиденциальности может быть вложен еще не в один конверт) имена сопутствуют этому сообщению, выстраивают конфигурацию его пути. Со своей стороны псевдоним, рассматриваемый как устойчивый интернет-феномен, требует для

оформления и больше времени, и большей наполненности контентом, он представляет собой, по сравнению с ослабленной эстетикой чата, имиджборда или дорвея, более высокий градус эстетизации и творческой проработанности. Фактор времени немаловажен: долго существующий псевдоним так или иначе обзаводится своеобразной киберкармой: прошлые клики, реплики, «перепосты» и другие элементы контента образуют цепь, которая, как в одном из афоризмов Ницше, всегда бежит вместе с пользователем, образуя его виртуальную идентичность (между прочим, отчужденную). Таковы многочисленные псевдонимы социальной сети «ВКонтакте» и ей подобных.

Анонимность – нечто иное. Как указывает Гарри Хэлпин, она представляет собой «форму жизни без идентичности», вытесненную идеологией Просвещения и вернувшуюся посредством Сети [13, с. 19]. Сегодня сетевая анонимность приобретает весьма специфические (иногда довольно радикальные) эстетические и политические формы. Одна из ведущих современных свободно организованных групп «активистов» так и называется – Anonimous. Ключевой идеей «анонимов» является свобода веб-высказывания, борьба с цензурой, преследованиями и надзором в Интернете. Один из плодотворных парадоксов сетевой анонимности заключается в этой свободе именованности: не имеющий имени (стирающий его) претендует на то, чтобы свободно называть вещи своими именами. Именованность – проведение границы анонимности, остающейся не именуемой. Проведение границы осуществляется через процедуру отщепления от коллективного тела Анонима персонального, определенного, идентифицированного (того, например, что называется сэймперсон – та же самая, повторяющаяся и тем самым себя раскрывающая личность).

Участники и сторонники Анонимуса могут быть опознаны по ношению маски Гая Фокса, ставшей одним из его символов. В первоначальном виде концепция Анонимуса понималась как децентрализованное интернет-сообщество, которое действует ано-

нимно и скоординировано преимущественно для достижения своих специфических целей, среди которых преобладали развлечения, связанные с веб-юмором, лулзами и мемами. С 2008 г. концепция Анонимус смещается в сторону международного хактивизма, политики без идентичности (как называет ее Г. Хэлпин): в ее рамках был проведен ряд протестных акций в ответ на анти-пиратские компании правительств некоторых стран. Анонимы из этой группы связаны в первую очередь с наиболее известными имиджбордами (4chan) и некоторыми форумами, хотя привязки к определенным ресурсам у них все же нет. Помимо имиджбордов анонимность произрастает в чатах. «Чат не терпит имен» – говорит Т. А. Кирик [4, с. 107]. Это обусловлено, во-первых, свойственным чату состоянием «растворенной телесности», а также множественностью и краткостью реплик, образующих ткань «болтовни». Анонимность никнейма (nickname – прозвище), представляющего собой условную подпись в чате, предопределена, во-вторых, его скользящей динамикой: в короткий промежуток времени в чат можно входить под разными никами; быстро устаревая, один и тот же ник редко закрепляется за одним и тем же пользователем надолго. Отсюда специфическая темпоральность общения в чате – интерсубъективное время здесь «обоюдно растягивается»: общению в чате свойственна возможность задержки ответа (от нескольких секунд до нескольких минут), образующая «комфортабельную зону рефлексии», которая отсутствует в общении лицом к лицу, вместе с этим темпоральность чата сжимается: ники и произведенный ими эффект (контент) перманентно деактуализируется. В результате субъективное время «растягиваясь, рвется», образуя зоны темпорального зияния. Поименованный, сопровождаемый одной и той же подписью, контент в чатах практически исключен, авторство текста из-за высокой скорости считывания оказывается неприметным. Текст чата невольно стандартизован, единообразен, автоматичен. Анонимное сетевое сообщество (точнее, мозаичное множество сообществ) – «соединение, основанное на сопричастности баналь-

ному» [10, с. 42] – «общим местам» сознания. Помимо чатов существует значительное количество сетевых ресурсов, структура пользовательского интерфейса которых способствует преобладанию фигуры анонимности. Анонимным можно считать спонтанно возникающий псевдоним, которым подписывается одно или несколько сообщений, и который более нигде не фигурирует. Джарон Ланье называет эту фигуру «анонимностью попутчика» и считает, что с ней связан ряд негативных проявлений сетевой коммуникации, с особой остротой проявляющихся на YouTube и на «полях редакционных войн» «Википедии» [14]. В этот же список нужно включить множество интернет-изданий, позволяющих оставлять комментарии не только с использованием спонтанного псевдонима, но и не подписывая своей реплики вовсе, довольствуясь автоматически сгенерированной машинной подписью «anonimus».

Гарри Хэлпин в своей статье «Философия Анонимуса» указывает, что развертывание сетевой анонимности знаменует собой онтологический сдвиг (shift) в области идентичности, проблеск (glimpse) новой формы жизни. Указанный сдвиг диалектичен: он обусловлен тем, что автор называет «коллапсом персональной идентичности», связанной с развитием «когнитивного капитализма» с его сверхперсонализацией и эксплуатацией фиксированной в Сети идентичности. Средством делезианского ускользания от этой эксплуатации, ее антитезой предстает в его работе сетевая анонимность, демонстрирующая новые формы политического движения – в Сети и посредством Сети. Хэлпин связывает феномен сетевой анонимности с понятием, позаимствованным из фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера – Stimmung, настроение. Более того, связывая хайдеггеровское понятие не столько с настроением (mood), сколько с голосом, он указывает: «Анонимус – это Stimmung, голос Интернета; не только набор индивидуальных голосов, но собор тел, которые становятся одним организмом и членораздельно издают один общий голос» [13, с. 23]. Вспомним, что Гуссерль закреплял за жизненным миром статус

анонимности, таково же бытие-в-мире Хайдеггера, такова же, с точки зрения Хэлпина, настроенность жизненного мира Сети. Отметим, что словник «Бытия и времени» сегодня нередко задействуется в осмыслении социально-политической проблематики. Паоло Вирно избавляет от негативных коннотаций «неподлинного существования» два хайдеггеровских слова-понятия – «болтовня» и «любопытство». С их помощью он описывает масс-медиа и рассеянный субъект, который они порождают [15]. Этот субъект анонимен. Елена Петровская указывает в этой связи на «гулкий фон анонимности», на котором только и может быть прочерчен «обособленно случайный след» индивидуации [10, с. 35]. В свою очередь, Г. Хэлпин подчеркивает телесный характер коллективного Анонима: он проявляется во время политических акций. Вывод британского исследователя о будущем сетевой анонимности таков: «Анонимус – это свидетельство бесконечной мощи отказа от предикатов, “любая сингулярность” “Грядущего сообщества” Агамбена, которая вносится в бытие через наиболее неожиданный и странный из миров, через Интернет» [13, с. 27].

Предварительный (потому как политический потенциал сетевой анонимности еще не реализован полностью) итог: в 2012 г. американский журнал Time включил Анонима в список ста самых влиятельных людей года. Аноним здесь – это и каждый отдельный человек, и сама контркультурная группа, в качестве мема – коллективный разум, единый у всех анонимов. В Интернете хорошо известен девиз Анонимуса: «We are Anonymous. We are Legion. We do not forgive. We do not forget. Expect us» («Мы – Анонимус. Имя нам – Легион. Мы не прощаем. Мы не забываем. Ждите нас»).

Структура анонимности функционирует и на более фундаментальном уровне сетевого общения. Любой интернет-объект (текст, изображение, аудио-/видеозапись) потенциально анонимен благодаря самому ризоморфному устройству интернет-коммуникации: любой объект, несмотря на различные варианты «авторской» защиты, может быть скопи-

рован и перенесен в любое место Сети уже без авторской подписи. В этих условиях понятие первоисточника в известной степени размывается. Усугубляется то, что в начале XX в. Вальтер Беньямин называл исчезновением ауры [1, с. 22], являющейся характеристикой аутентичности, подлинности, отношения к месту, времени – и к конкретному автору-человеку. Подобно тому как любая помещенная в Интернете фотография может стать материалом для изготовления «фото-жабы» – ее насмешливого или даже издевательского искажения – текст может стать материалом для ничем не ограниченного присвоения (именно присвоения, а не цитирования, подразумевающего ссылку на источник), коллажирования (сцепления с другими текстами), искажения, переворачивания, «прокручивания через комбинаторную мясорубку» спам-машины и т. д. Слова «при цитировании ссылка на данный ресурс обязательна», помещенные подтекстовым контентом, являются беспомощной просьбой Автора, утопающего в Сети. Контролировать машину копипасты практически невозможно. То же самое проделывается и с остальными интернет-объектами. При этом вытесняется и авторство литературное, о чем идет речь в недавнем интервью Романа Лейбова, посвященном десятилетию русского ЖЖ, в котором он первым написал кириллицей: «Попробуем по-русски... Смешная штука». Речь в интервью идет о том, что подражающая Есенину «Любочка» вытесняет из Интернета самого Есенина, который придает Сети статус ее подражателя [11].

Часто можно встретить сравнение сетевой анонимности и карнавала (В. Нестеров сравнивает с ним «ситуацию чата» [9]): та же смена масок (аватаров, ников), скользящая идентичность, часто сексуальный характер игры. С той существенной разницей, что оффлайн маскарад предполагает обязательную процедуру выхода, возвращения, снятия маски, что невозможно в медиальных условиях Сети. Существуют и более существенные причины для настояния на том, что сетевая анонимность – не карнавал. Во-первых, сетевая анонимность (позволим себе неологизм) напроць лишена праздничности, торжественно-

сти, предзаданного смысла времени и места (ауры). Во-вторых, сетевая анонимность – не маска: на онтологическом уровне она – не переименование, но ситуация до имени, не смена идентичности, но ее (иногда насильственное) стирание. Наконец, в-третьих, среда сетевости маргинальна, «незакономерна» (в том смысле, что «измерить» ее законом нельзя). Она имеет отношение к той реальности, о которой Елена Петровская пишет: «Эта реальность уже отчасти поименована. Я имею в виду “изгоев” (voyous) у Деррида и Жана Бодрийера, а именно реапроприацию имени, произведенного политической речью, его радикальное смещение и, если угодно, окончательное де-именование. Отнюдь не являясь актом легитимизации тех, кто объявлен вне закона, это постановка под вопрос самого закона, который позволяет исключать» [10, с. 40–41].

Вышеизложенное не позволяет относиться к «очевидно негативным» проявлениям сетевости так, как делает, например, автор статьи «Это троллинг» Андрей Лошак, который вынужден в итоге сделать апокалиптический вывод о наступлении последних времен, внешним проявлением которых является указанная «притупленность оскорблений», порождающая «чудовище» сетевого тролля [8]. Возможны другие (теоретические) варианты интерпретации симптоматики троллинга. На их возможность указывал уже Джарон Ланье, говоря о «внутреннем тролле» [14], которого Сеть делает видимым – читаемым. В этом отношении следует рассмотреть виртуальную реальность Сети как среду овнешнения событий и явлений «внутреннего мира» [5]. Славой Жижек неоднократно говорил о том, что в Интернете присутствует психоаналитическое измерение, позволяющее прорабатывать трудности РЖ (реальной жизни) [3], т. е., условно говоря, сбой в работе, заедания того самого «внутреннего мира», развертывание которого вовне затруднено правилами мира «внешнего». Символические правила, регулирующие поведение субъекта в РЖ, символическая сеть, местом «престигивания» к которой служит не что иное как имя, – власть большого Другого ослабевает,

утопая в ризоморфном пространстве Интернета (во всяком случае до тех пор, пока оно представляет собой подвижный «фронт»). Эта ослабленность символического порядка позволяет эксплицировать подавленное содержание, которое в ином случае невозможно встретить лицом к лицу. Жижек называет это «логикой приятия через отрицание». Сеть дает возможность стирания имени: в том смысле, что занимающийся троллингом пользователь может с полным правом сказать о своих действиях: «это делаю не я». Обычно подобное поведение связывается с характерной для виртуальной реальности прогрессирующей безответственностью, особенно в среде подростков. Не случайно анонимность называется приглашением к преступлению, темным переулком, в котором творятся злодеяния. Однако парадокс ситуации сетевой анонимности может заключаться именно в невозможности «дать в этот темный переулок свет». Мифология интернет-анонимности такова, что разоблачение Анонима, т. е. соотнесение тех или иных деяний в Сети с именем, лицом (и паспортными данными), не схватывает самого Анонима, оставляя его неуловимым. (Мотив «не-схватываемости» Анонима имеющимися философскими стратегиями – один из мотивов статьи Г. Хэлпина). Действуя в Сети анонимно, пользователь действительно выступает не от своего имени, но «от лица» самой ризоморфной (безымянной) среды. Эта среда может стать зоной перезаписи субъективности (на что уповают радикальные кибертеретики), с другой стороны, ризома может быть калькирована (т. е. перезапись не произойдет).

В любом случае, важный аспект зоны сетевой анонимности заключается также в ее этическом значении: приглашение к преступлению (и реальная возможность его совершить) является также приглашением к подвигу, к радикальной добродетели. Т. Кирик с полным правом утверждает: киберпространство обусловлено этически, кантовский категорический императив «нигде доселе не обретал такой силы “принципа всеобщего законодательства”, как на виртуальных просторах Интернета» [4, с. 112]. Более лаконично и точно эту же мысль высказывает И. Ю. Ларионов:

«только здесь мы по-настоящему способны совершить преступление или вынести правовое суждение» [7, с. 103–106]. Когда Кьеркегор пишет: «ни один анонимный автор не был столь искусен, прячась от своих читателей, ни один философ-майевтик не избегал столь старательно всякого прямого отношения, как это делает Бог» [6], он указывает на плоскость не-прямого, не-адресного отношения, в которой становится возможной истина и этика. Интенционально субъект сетевой анонимности уклончив в том же смысле, что и кьеркегоровский Бог: он желает называть вещи своими именами (например, хомячков, отличающихся, как гласит статья Lurkmore, «самой омерзительной предсказуемостью», – хомячками), оставаясь безымянным. Почему Аноним так уклончив? Как раз потому, что он может иметь отношение к истине, о которой нельзя просить напрямую.

Измерение анонимности можно назвать психоаналитическим измерением Сети, оно проявляет то, что действительно существует безлично, анонимно – бессознательно: агрессия субъекта, агрессия самого интерсубъективного измерения – его немирный характер. И на этом фоне измерение интер-

нет-анонимности – это этическая и политическая возможность иной ситуации.

Дадим в заключение слово самому нашему герою. Один из анонимных комментариев к статье Lurkmore «Анонимус», названный «Кто такой анонимус?» гласит: «Он утратил надежду договориться со своей культурой. ... Ядро его юмора заключается в доведении абсурда до абсурда; он подхватил и развил язык, символы которого... лишены смысла! Эти символы называются мемами: на ваших глазах культура превращается в ничто, и вы реагируете – вы делаете себе прививку от ужаса отчаяния, создавая собственную субкультуру бессмысленности... но это не только защита – это еще и нападение. Ибо вы достигли той точки, за которую нельзя зайти по определению, вы достигли апофеоза и теперь словно стоите перед своими современниками и спрашиваете у них: “И что дальше? ЧТО ДАЛЬШЕ?” Но ваше и так безмолвное вопрошание тонет во взрыве хохота и мимикрии желающих приобщиться ньюфагов».

Ниже читаем анонимный комментарий к комментарию: «Аноним спрашивает анонима кто такой аноним. Забавно».

Список литературы

1. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М.: «Медиум», 1996.
2. Горный Е. А. Онтология виртуальной личности // URL: <http://www.netslova.ru/gorny/selected/ovl.html>
3. Жижек С. Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия // Искусство кино, 1998. №1 // URL: <http://kinoart.ru/archive/1998/01/n1-article25>
4. Кирик Т. А. Виртуальная реальность и ее онтологические прототипы: монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. 134 с.
5. Кузнецов М. М. Виртуальная реальность – техногенный факт или сетевой феномен? // Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты. М.: Проресс-Традиция, 2004. 384 с. С. 62–90.
6. Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам» / пер. Н. Исаевой и С. Исаева // Вестник Европы. 2005. № 16 // URL: http://www.kierkegaard.newmail.ru/works/Uvidenskabelig_%28Isaev%29.html
7. Ларионов Л. Ю. Виртуальная реальность: добродетель и преступление // Виртуальное пространство культуры: материалы научной конференции 11–13 апреля 2000 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. 218 с.
8. Лошак А. Б. Это троллинг // URL: <http://os.colta.ru/society/projects/201/details/23787/?attempt=1>
9. Нестеров В. Ю. Карнавальная составляющая как один из факторов коммуникативного феномена чатов // URL: <http://banderus2.narod.ru/93156.html>

10. *Петровская Е. В.* Безымянные сообщества. М.: ООО «Фаланстер», 2012. 384 с.
11. Роман Лейбов. «Жест мой не был случайным...»: интервью Д. Бавильского // URL: http://www.chaskor.ru/article/roman_lejbov_nado_bylo_srazu_izobretat_zhzh_a_ne_etot_idiotskij_internet_20521
12. *Янг К.* Диагноз – интернет-зависимость // URL: <http://www.narcom.ru/ideas/common/15.html>
13. *Halpin H.* The philosophy of Anonimus. Ontological politics without identity // *Radical Philosophy* 176 (November / December 2012). P. 19–28.
14. *Lanier J.* You are not a gadget. A manifesto. New York: Alfred A. Knopf, 2010.
15. *Virno P.* Grammar of the Multitude. New York: Semiotext(e), 2004.

References

1. *Ben 'yamin V.* Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosпроизводимosti. М.: «Medium», 1996.
2. *Gornyi E. A.* Ontologiya virtual'noy lichnosti // URL: <http://www.netslova.ru/gornyi/selected/ovl.html>
3. *Zhizhek S.* Kiberprostranstvo, ili Nevynosimaya zamknutost' bytiya // *Iskusstvo kino*, 1998. №1 // URL: <http://kinoart.ru/archive/1998/01/n1-article25>
4. *Kirik T. A.* Virtual'naya real'nost' i eyo ontologicheskie prototipy: monografiya. Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gos. un-ta, 2007. 134 s.
5. *Kuznetsov M. M.* Virtual'naya real'nost' – tekhnogennyi fakt ili setevoy fenomen? // *Virtualistika: ekzistentsial'nye i epistemologicheskie aspekty*. М.: Proress-Traditsiya, 2004. 384 s. S. 62–90.
6. *K'yerkegor S.* Zaklyuchitel'noe nenauchnoe posleslovie k «Filosofskim krokham» / per. N. Isaevoy i S. Isaeva // *Vestnik Yevropy*. 2005. № 16 // URL: http://www.kierkegaard.newmail.ru/works/Uvidenskabelig_%28Isaev%29.html
7. *Larionov L. Yu.* Virtual'naya real'nost': dobrodetel' i prestuplenie // *Virtual'noe prostranstvo kul'tury: materialy nauchnoy konferentsii 11–13 aprelya 2000 g.* SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2000. 218 s.
8. *Loshak A. B.* Eto trolling // URL: <http://os.colta.ru/society/projects/201/details/23787/?attempt=1>
9. *Nesterov V. Yu.* Karnaval'naya sostavlyayushchaya kak odin iz faktorov kommunikativnogo fenomena chatov // URL: <http://banderus2.narod.ru/93156.html>
10. *Petrovskaya E. V.* Bezymyannye soobshchestva. М.: ООО «Falanster», 2012. 384 s.
11. Роман Лейбов. «Zhest moy ne byl sluchaynym...»: interv'yu D. Bavil'skogo // URL: http://www.chaskor.ru/article/roman_lejbov_nado_bylo_srazu_izobretat_zhzh_a_ne_etot_idiotskij_internet_20521
12. *Yang K.* Diagnost – internet-zavisimost' // URL: <http://www.narcom.ru/ideas/common/15.html>
13. *Halpin H.* The philosophy of Anonimus. Ontological politics without identity // *Radical Philosophy* 176 (November / December 2012). P. 19–28.
14. *Lanier J.* You are not a gadget. A manifesto. New York: Alfred A. Knopf, 2010.
15. *Virno P.* Grammar of the Multitude. New York: Semiotext(e), 2004.